

Хью Вейр

**Антология
детективного
рассказа, том 5**

Хью Вейр

**Антология детективного
рассказа, том 5**

«Автор»

2026

Вейр Х.

Антология детективного рассказа, том 5 / Х. Вейр — «Автор»,
2026

В пятый том «Антологии детективного рассказа» вошел сборник американского писателя Хью К. Вейра «Мисс Макдалин Мак, детектив», который состоит из пяти детективных рассказов. Все произведения ранее на русских язык не переводились.

Содержание

Хью К. Вейр	5
Человек с девятью жизнями	6
Пропавший жених	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Хью Вейр

Антология детективного рассказа, том 5

Хью К. Вейр

Мисс Маделин Мак, детектив

Хью Косгро Вейр (1884 — 1934) — американский газетный репортер, редактор журнала, писатель и сценарист. Он начал работать журналистом в 16 лет, написал свой первый сценарий в 20, а затем основал собственное рекламное агентство и издательство, объединяющее журнал и газету. Сегодня он наиболее известен своей серией рассказов о Маделин Мак, женищине-детективе.

Сборник рассказов «Мисс Маделин Мак, детектив» (Miss Madelyn Mack, Detective) был впервые опубликован в 1914 году. Данное произведение находится в общественном достоянии в Соединенных Штатах Америки. Авторские права США и России не нарушены.

Перевод Валерия Чудова

Человек с девятью жизнями

1

Теперь, когда я пытаюсь найти отправную точку в странном товариществе между мной и Маделин Мак, необычные проблемы мужского коварства, с которыми мы вместе сталкивались, возвращаются ко мне почти с шоком.

Возможно, события, которые так быстро врезались мне в память, происходили слишком быстро, чтобы их можно было вдумчиво осмыслить в момент их совершения. Возможно, только трезвый взгляд назад может дать истинную, адекватную оценку ситуации.

Маделин Мак! Какой читатель газет не знает этого имени? Даже среди тех, кто не слишком внимателен к общественным событиям, помнит молодую женщину, которая нашла пропавшую наследницу Вирджинию Дентон после трехмесячного исчезновения; которая осудила «Арчи» Ирвина, главу «траста поджигателей»; которая обнаружила скрывающегося от правосудия Уолкотта после погони из Чикаго в Хартум; которая разгадала загадку двойного убийства Петерсонов; которая...

Но зачем продолжать перечислять достижения мисс Мак? Они известны практически всем, по крайней мере, та их часть, которая по той или иной причине попала на газетные колонки. Несомненно, поклонники мисс Мак, чье мнение сформировалось благодаря газетным хроникам ее подвигов, были бы поражены, узнав, что ни одно из десяти ее дел никогда не было зафиксировано за пределами ее собственного архива. А многие из них — самые сенсационные с точки зрения газет — никогда и не будут!

Однако сама женщина всегда казалась мне большей загадкой, чем любые проблемы, к решению которых она прибегала со своим удивительным гением. Несмотря на поток типографской краски, который она вдохновила, я сомневаюсь, что более чем дюжине человек было дано узнать истинную Маделин Мак.

Я, конечно, не имею в виду её профессиональную карьеру. Основные моменты этого периода её жизни, полагаю, более или менее общеизвестны: студентка, внезапно столкнувшаяся с необходимостью зарабатывать себе на жизнь; эпидемия загадочных случаев — магазинных краж, описанная в газете, которую она изучала в поисках объявлений о работе; её обращение в нью-йоркские универмаги, пострадавшие от краж, с просьбой о работе в детективном отделе, и их резкий отказ; её внезапное решение взяться за дело в качестве внештатного детектива и её замечательный успех, который привёл к осуждению печально известной мадам Бусар и обеспечил мисс Мак её первую должность помощника домашнего детектива в известной фирме по продаже галантерейных товаров «Нигель». Иногда мне кажется, что это первое дело и осознание ею своего особого таланта — любимое дело Маделин, и что оно даже не занимает в её памяти место, которое занимает возвращение жемчужного ожерелья миссис Нигель стоимостью пятьдесят тысяч долларов, украденного через несколько месяцев после того, как студентка-детектив устроилась в магазин, и вознаграждение, которое, кстати, позволило амбициозной мисс Мак открыть собственное бюро.

Затем последовало дело Бергнера о киднеппинге, которое принесло Маделин первую крупную рекламную кампанию и положило начало стабильному потоку заказов, который через три года привел к тому, что она получила свой кабинет на Пятой авеню в здании Мэддокс, где я и застала ее в тот незабываемый день, когда проницательный редактор воскресного выпуска отправил меня на интервью с женщиной, добившейся столь заметного успеха в мужской профессии.

Сейчас я вижу Маделин такой же, какой увидела её тогда — это был мой первый взгляд на неё вблизи. Она только что вернулась из Омахи тем утром и планировала отправиться в Бостон полуночным экспрессом. На стуле в углу лежали чемодан и толстая папка с бумагами.

Молодая стенографистка записывала множество писем с невероятной скоростью. Мисс Мак, закончив последний абзац, поднялась из-за письменного стола, чтобы поприветствовать меня.

Я смутно представляла себе женщину мужественной внешности, с резким голосом, острыми чертами лица, возможно, одетую в строгое, сшитое на заказ платье. Но я увидела молодую женщину лет двадцати пяти, с румяными щечками, увенчанную мягко уложенной копной тускло-золотистых волос и парой живых серо-голубых глаз, которые сразу же заставляли забыть обо всех остальных деталях ее внешности. В этих глазах было нечто такое, что я долгое время не могла определить. Постепенно я поняла, что это был дух оптимизма, радости за себя, за свою жизнь и за свою работу, восторга от происходящего. И в этом было что-то заразительное. Почти бессознательно мы начинали верить в нее и в ее искренность.

В моей оценке не было ни одного признака, чуждого ее полу. Она была одета в простую расшитую белую рубашку с поясом и белую юбку из плотной ткани. Одна из немногих особенностей Маделин заключается в том, что она всегда одевается либо полностью в белое, либо полностью в черное. На ее столе стояла ваза с белыми хризантемами.

— Как мне это удаётся? — повторила она в ответ на мой вопрос почти со смехом. — Полагаю, просто упорным трудом. О, в этом нет ничего удивительного! Знаете, почти всё можно сделать, если действительно в это поверить! Я совсем не необычная и не ненормальная. Я решаю свои задачи так же, как и задачи по математике, только вместо цифр я имею дело с человеческими мотивами. Детективу всегда даны определённые известные факторы, и я продолжаю их накапливать или вычитать, в зависимости от ситуации, пока не узнаю, что ответ должен быть правильным.

Для успешного детектива есть всего два настоящих правила: усердная работа и здравый смысл — не тот редкий здравый смысл, который мы связываем с нашим старым другом Шерлоком Холмсом, а здравый, деловой подход. И, конечно же, воображение! Возможно, это одна из причин, почему я добилась того, что вы называете успехом. Я думаю, у женщин всегда более острое воображение, чем у мужчин!

— Значит, вы предпочитаете женщин-оперативников в своем штате? — спросила я.

Она подняла взгляд, и в ее руках мелькнуло что-то вроде искорки, словно от нефритового ножа для бумаги.

— Открою вам секрет? Весь мой персонал, за исключением стенографистки, — мужчины. Но большую часть работы я выполняю лично. Фактор воображения не очень-то можно использовать через вторых, третьих или четвертых рук. А если я потерплю неудачу, то смогу свалить вину только на Маделин Мак! Когда-нибудь, — блеск в ее серо-голубых глазах стал ярче, — когда-нибудь я надеюсь достичь того момента, когда смогу позволить себе заниматься только консультационной работой или личными расследованиями. Деловые детали работы офисного персонала, боюсь, слишком рутинны для меня!

Зазвенел телефон. Она произнесла несколько четких фраз в трубку и повернулась. Интервью закончилось.

Когда я увидела её в следующий раз, три месяца спустя, мы встретились у тела Морриса Энтони, убитого библиофила. В этом деле моё случайное открытие, как любезно заметила Маделин, подсказало ей разгадку тайны, которое свело нас вместе в финальной мелодраматической кульминации в мрачном особняке на Вашингтонской площади, когда, полагаю, моё истерическое предупреждение спасло её от клыков спрятанной кобры доктора Лестера Рэндольфа. В любом случае, наше знакомство постепенно переросло в товарищество, которое кардинально изменило две стороны моей жизни.

Это не только дало мне возможность познакомиться с личностью Маделин Мак, но и открыло эксклюзивный доступ к газетным материалам, которые позволили мне перейти от низкооплачиваемых воскресных «тематических статей» к работе в редакции и получать доход вдвое больше, чем раньше. Я всегда утверждала, что в наших отношениях Маделин отдавала

всё, а я ничего не давала. Хотя она неизменно сразу же делала опровержения и обычно заканчивала тем, что отвозила меня в «Розари», своё шале на Гудзоне, как лекарство от того, что она называла моим приступом «хандры», ей так и не удалось убедить меня в том, что мой протест был неоправданный!

Именно в «Розари» мисс Мак находила убежище от стрессов бизнеса. Она скопировала его дизайн с увитого плющом швейцарского шале, которое привлекло ее внимание во время летней прогулки по Альпам, и построила здание на изрезанном обрыве реки, достаточно близко к городу, чтобы обеспечить довольно удобное передвижение на автомобиле. Однако в первые годы нашей дружбы, когда она была занята коммерческой деятельностью, иногда проходили недели, прежде чем ей удавалось выкроить хотя бы день, чтобы побывать там. В конце концов, именно благодарность Чалмерса Уокера за ее замечательную работу, которая освободила его жену, хористку, от, казалось бы, нерушимой спирали косвенных улик в деле об убийстве театрального брокера Демпстера, позволила Маделин осуществить свою давнюю мечту — открыть собственную консультационную фирму. У нее по-прежнему был офис в городе, состоящий из одной комнаты и небольшой приемной, и она посещала его только два дня в неделю. В остальное время, она почти не появлялась в городе, за исключением, когда была непосредственно занята каким-либо делом. Казалось, что цветы и музыка — она была страстно предана и тому, и другому — доставляли ей истинное удовлетворение.

Я упрекнула её в старении, на что она ответила пожатием плеч. Я назвала её циником, и она загадочно улыбнулась. Но образ ее жизни не изменился. В каком-то смысле я ей завидовала. Это было почти как смотреть сверху на мир и снисходительно наблюдать его безумною борьбу за конец радуги. Дни, которые я выкраивала, чтобы побывать в «Розари», особенно летом, когда сад Маделин больше походил на картину Тёрнера, вызывали у меня едва ли не отвращение к суете Парк-Роу. Но обычная газетчица не может потакать мечтам гения, которого благословила судьба. Возможно, именно поэтому приглашения Маделин приходили с такой частотой и тонкостью, что им невозможно было сопротивляться. Каким-то образом они всегда доходили до меня, когда я была в нужном, восприимчивом настроении.

Поздним вечером четверга в июне, в кульминацию моих изнурительных пяти дней под палящим солнцем Бродвея, меня застала машина Маделин у офиса «Багл», и она настояла на том, чтобы запихнуть меня в нее даже без чемодана.

— Мы доберемся до «Розари» как раз к ужину из жареной курицы, — пообещала она. — Вам нужен отдых на четыре-пять дней, чтобы не чувствовать запаха асфальта.

— Какая вы фея-крестная! — выдохнула я, уютно устроившись на подушках. Никто из нас не подозревал, что кровавый след преступления уже тянется к нам — что через двенадцать часов нас вырвут из спокойного отдыха выходного дня в водоворот трагедии.

2

Мы завтракали поздно и неспешно. Когда, наконец, закончили, Маделин настояла на том, чтобы ее фонограф принесли в розовый сад, и мы слушали непревзойденное исполнение Стейвесантом «Песню с драгоценностями» — одной из трех пластинок, за которые мисс Мак накануне отправила арфистке чек на двести долларов. Я воспользовалась случаем, чтобы неторопливо прочитать ей урок о расточительности. Нищий, наверное, справился с этим меньше чем за два часа!

Когда жалобные звуки затихли, Сьюзен, экономка Маделин, пересекла сад и положила небольшую стопку писем и утренние газеты на деревенский столик у нашей скамейки. Маделин, пожав плечами, вернулась к своей переписке.

— От божественного к обыденному!

Сьюзен фыркнула, вспоминая о свободе, которую ей принесла семилетняя служба.

— На прошлой неделе я слышала, как один из этих итальянских скрипачей играл в «Хаммерштейне», и он мог отбивать ритм с закрытыми глазами!

Маделин печально посмотрела на неё.

— В вашем возрасте — «Хаммерштейн»!

Сьюзен откинула свои чопорные пряди локонов, в отместку презрительно взглянула на фонограф и с достоинством удалилась. В дверном проеме она обернулась.

— О, мисс Маделин, я испеку один из ваших старомодных клубничных пирогов на обед!

— Правда? — Маделин подняла пару сверкающих глаз. — Сьюзен, ты просто прелесть!

Довольная улыбка озарила лицо Сьюзен до самых кончиков ее аккуратно уложенных локонов. Взгляд Маделин переместился на меня.

— Над чем вы смеетесь, Нора?

— С психологической точки зрения, вы оба дали мне два интересных примера, — рассмеялась я. — Одно предложение компенсирует Сьюзен целую неделю вашей угрюмости!

Маделин протянула руку к своей почте.

— А какая еще особенность привлекает ваш пытливый ум?

— Представьте себе, как всемирно известный детектив приходит в восторг при упоминании клубничного пирога!

— Почему бы и нет? Даже детективу иногда нужно оставаться человеком! — Ее глаза заблестели. — Еще один балл в мои мемуары, мисс Норакер!

Когда ее взгляд упал на полуоткрытое письмо в ее руке, мои глаза скользнули по саду к очертаниям шале, и я вздохнула с полным удовлетворением. Бродвей и Парк-Роу казались очень-очень далекими. В мгновение ока я увидела, что по лбу мисс Мак прошла четкая линия, словно штрих карандаша.

Внезапно праздное безразличие в ее поведении исчезло, словно развевающаяся на ветру вуаль. Ее взгляд встретился с моим. Тот блеск, который я в последний раз видела в ее глазах, пропал. Молча она подвинула мне через стол квадратный лист бумаги, на котором был написан почти неразборчивым подчерком следующий текст.

«Уважаемая леди:

Когда вы прочитаете написанное, вполне возможно это письмо будет от умершего человека.

Мне сказал не кто иной, как мой друг Космо Гамильтон, что вы замечательная женщина. Хотя я сразу скажу, что мало верю в аналитические способности женского мозга, я готов принять суждение Гамильтона.

Конечно, я не могу обсуждать детали своей проблемы в переписке.

В качестве стимула к немедленным действиям, однако, могу сказать, что за последние пять месяцев на мою жизнь было совершено не менее восьми покушений, и я убежден, что девятое покушение, если оно будет предпринято, увенчается успехом. Самое странное в этом то, что я совершенно не могу догадаться о причине этой непрекращающейся вендетты. Насколько мне известно, нет ни одного человека в мире, который желал бы моей смерти. И все же в меня четыре раза стреляли из засады, один раз на меня набросились бандиты, дважды меня задел мчащийся автомобиль, а сегодня вечером я обнаружил хитрую дозу цианида калия в моем любимом вишневом пироге!

И всё это в тени фермы по разведению скунсов в Нью-Джерси! Думаю, настало время обратиться за советом к эксперту. Если развитие таинственной вендетты по какой-либо причине не позволит мне принять вас лично, я уверен, что моя племянница, мисс Мюриэль Янсен, постарается действовать как мой заместитель.

С уважением, Уэнделл Марш.

Три-Форкс-Джанкшен, Нью-Джерси

16 июня».

Внизу страницы карандашом тем же неразборчивым почерком нацарапано всего одна строчка:

«Ради Бога, поторопитесь!»

Маделин продолжала сидеть, свернувшись калачиком на скамейке, и смотрела на куст темно-красных роз.

— Уэнделл Марш? — Она задумчиво перевела на меня взгляд. — Кажется, где-то в последнее время я встречала это имя?

(Маделин делала мне комплимент, говоря, что у меня мозг, словно картотека, для истории газет!)

— Если вы читали воскресные приложения, — сухо ответила я, вспоминая Уэнделла Марша таким, каким видела его в последний раз полгода назад, когда он, только что прибывший из Англии, спустился по трапу парохода, с лицом загорелым от атлантического ветра. Это было лицо, которое привлекало внимание — почти измождённое, своенравное, с явным оттенком цинизма. (Особенно когда его взгляд встретился с ожидающей его группой журналистов!) Кто-то однажды сравнил его с портретами Оливера Кромвеля.

— Уэнделл Марш — один из величайших газетных копирайтеров, когда-либо уклонявшихся от интервью, — объяснила я. — Он ненавидит репортеров так же, как фермер из северной части штата ненавидит автомобиль, и, тем не менее, за ним постоянно охотится целая стая журналистов. Его последним подвигом, призванным привлечь к себе внимание, стала покупка реликвий Бейнфорда в Лондоне. Незадолго до этого он опубликовал трехтомную историю о величайших циниках мира. Оплатил публикацию сам.

Затем между нами воцарилась тишина, которая затянулась надолго. Я пыталась, довольно безуспешно, связать полу-истеричное письмо Уэнделла Марша со своим мысленным образом сурового миллионера...

«Ради Бога, поторопитесь!»

Какой же ужас довел до такого обращения крайне сдержанного мистера Марша? Оглядываясь назад, я понимаю, что даже самые смелые мои фантазии не могли представить себе ужасающую правду!

Маделин резко выпрямилась.

— Сьюзен, не могли бы вы попросить Эндрю немедленно подъехать на машине? Если вы найдете карту автомобильных дорог Нью-Джерси, Нора, мы найдем Три-Форкс-Джанкшен.

— Вы собираетесь заняться этим делом? — механически спросила я.

Она соскользнула со скамейки.

— Я начинаю опасаться, — сказала она, ничуть не обращая внимания на сказанное, — что нам придётся отложить наш клубничный пирог!

3

Здоровый глаз Даниэля Педдикорда, по призванию владельца конюшни и избранного шерифа округа Мерино, опустил на его румяную левую щеку. Мистер Педдикорд серьезно относился к себе и своим обязанностям перед налогоплательщиками округа Мерино.

Опустив свой здоровый глаз с подобающим официальному сомнению видом, в то время как его стеклянный глаз бесхитростно смотрел прямо перед собой, словно совершенно не обращая внимания на происходящее, мистер Педдикорд махнул толстым красным большим пальцем в сторону винтовой лестницы в задней части зала Марша.

— Я полагаю, что мистер Марш всё ещё там, мисс Мак. Видите ли, я сказал им не тревожить тело, пока...

Наши взгляды резко оборвали его речь. Здоровый глаз мистера Педдикорда испытывал сильное волнение.

— Вы же не имеете в виду, что... не слышали?

Тишина в большом доме внезапно показалась мне гнетущей. Впервые я осознала странность того, что нас встретил не член семьи, а неловкий полицейский. Я внезапно почувство-

вала несоответствие между неуклюжей фигурой мистера Педдикорда и тусклым, роскошным фоном.

Маделин схватила шерифа за руку, и его здоровый взгляд устремился на ее лицо.

— Расскажите, что случилось!

Мистер Педдикорд прикрыл лоб огромным красным платком.

— Уэнделл Марш был найден мертвым в своей библиотеке сегодня в восемь часов утра!

Он был мертв уже несколько часов.

Тик-так! Тик-так! Сквозь мое оцепенение отбивался ритм высоких, мрачных часов в углу. Я тупо смотрела на них. Руки Маделин свелись за спиной, вены на ее теле набухли, образуя острые синие складки. Мистер Педдикорд все еще сжимал свой красный платок.

— Как же странно, что вы не слышали! Я полагал, что именно это привело вас сюда. Это... это похоже на убийство!

В глазах Маделин появился сероватый отблеск, похожий на холодную сталь.

— Где тело?

— Наверху, в библиотеке. Мистер Марш работал...

— Не могли бы вы показать мне комнату?

Не думаю, что мы тогда обратили внимание на четкость ее голоса, уж точно не с каким-либо негодованием. Маделин взяла ситуацию под контроль совершенно естественно.

— И ещё, я бы хотела передать свою визитку семье?

Мистер Педдикорд засунул платок обратно в задний карман брюк. Красный уголок лихо торчал из-под его синей куртки.

— Ну, никакой семьи здесь нет, — кроме Мюриэль Янсен. — Он осторожно поднял голову к лестнице. — Она его племянница, и я думаю, теперь здесь все принадлежит ей. Ее горничная говорит, что она совершенно потрясена. С тех пор, как это случилось, она выходила из своей комнаты всего один раз. И то, чтобы сказать мне, что ничего нельзя трогать. — Мистер Педдикорд выпрямился, нахмурившись с подозрением. — Как будто опытный офицер не может этого знать!

Маделин оглянулась через плечо в конец коридора. Там стоял мужчина с суровым лицом в красно-коричневой ливрее и смотрел на нас деревянными глазами.

Мистер Педдикорд пожал плечами.

— Это Питерс, дворецкий. Тот самый человек, который нашел мистера Марша.

Я чувствовала, как деревянные глаза следят за нами, пока поворот лестницы не перекрыл им обзор.

Комната была залита красным светом — гнетущим красным. Алые фрески на стенах, темно-красные драпировки, мебель с обивкой цвета вишневого дерева, турецкие красные ковры, ряды книг в красных переплетах. Над ними — огромная плоская стеклянная крыша, открытая небу от края до края, сквозь которую солнечные блики на насыщенных цветах создавали странное подобие багрового озера почти в самом центре комнаты. Такой была библиотека Уэнделла Марша — столь же эксцентрично оформленная, как и ее хозяин.

Мы обнаружили комнату в ужасном состоянии. Разбитые вазы валялись на полу, книги были изуродованы, занавески висели клочками, а тяжелое кожаное кресло-качалка раздроблено.

Обломки словно оставляли следы смертельной борьбы великанов. Посреди разрушений лежал Уэнделл Марш, перевернувшись на спину. Его лицо было иссохшим, глаза смотрели в пустоту. Не было и следа раны или даже синяка. В правой руке он сжимал какой-то предмет, частично невидимый мне.

Я почувствовала, как меня тянет туда магнитом, и подошла ближе. В таких ужасных сценах есть что-то гипнотическое! А потом я едва сдержала крик.

Мертвые пальцы Уэнделла Марша сжимали трубку — со странно вырезанной чашей из красного песчаника и длинным блестящим мундштуком.

Шериф Педдикорд обратил внимание на направление моего взгляда.

— Мистер Марш раздобыл эту трубку в Лондоне, вместе с другими реликвиями, которые он привёз домой. Говорят, что это была первая трубка, которую когда-либо курил белый человек. Индейцы Вирджинии подарили её некоему сэру Уолтеру Рэйли. Мистер Марш заказал новый мундштук, и его дворецкий говорит, что он курил её каждый день. Странно, не правда ли, какие бывают вкусы у некоторых людей?

Шериф смочил губы под своими неопрятными желтыми усами.

— Должно быть, это результат какой-то драки! — Его голова рассеянно охватила разрушенную комнату.

Маделин подошла к паре занавесок, украшенных лентами, и задумчиво потрогала их.

— Но это еще не самое странное. — Шериф с ожиданием взглянул на Маделин. — Никому другому не было возможности выбраться — или войти!

Маделин наклонилась еще ниже над занавесками. Казалось, они ее завораживали.

— Дверь? — рассеянно спросила она. — Она была заперта?

— Изнутри. Питерс и лакей видели ключ, когда взломали дверь сегодня утром... Питерс клянется, что слышал, как мистер Марш повернул ключ, когда он оставил его пишущим вчера в десять часов вечера.

— Окна?

— Закрыты, как барабан, — а если нет, то до земли остается еще добрых тридцать футов.

— Возможно, крыша?

— Кошка могла бы пролезть сквозь нее — если бы каждая деталь не была зажата так же плотно, как окна.

Мистер Педдикорд говорил с отчетливым триумфальным оттенком. Маделин все еще смотрела на занавески.

— Разве не странно, — осмелилась я предположить, — что звуки борьбы, или что бы это ни было, не встревожили дом?

Шериф Педдикорд явно считал меня чужаком. На мой вопрос он ответил с явной краткостью.

— Здесь можно выстрелить из мушкета, и никто ничего не заподозрит. Говорят, мистер Марш сделал комнату звукоизолированной. И, кроме того, слуги живут в отдельном здании, все, кроме горничной мисс Янсен, которая спит в соседней комнате в другом конце дома.

Мой взгляд снова остановился на скрюченной фигуре Уэнделла Марша — его иссохшем лице, застывших от ужаса глазах, руке, сжимающей невероятную трубку. Думаю, именно трубка привлекла мое внимание. Из всех несоответствий — трубка в руке мертвеца!

Возможно, именно эта мысль внезапно заставила Маделин пересечь комнату. Она наклонилась, выпрямила холодные пальцы и поднялась, держа трубку в руке.

К нему явно был приделан новый мундштук, который, как я предположила, был выточен из жасминового стебля. На конце мундштука были видны следы зубов, почти полностью прогрызшие его. Каменная чаша была наполнена холодным пеплом от наполовину выкуренного табака. Маделин задумчиво держала ее в руках.

— Странно, не правда ли, шериф, что человек, участвующий в борьбе не на жизнь, а на смерть, держит в руках тяжелую трубку?

— Почему... полагаю, да. Но вопрос, мисс Мак, в том, что стало с тем другим человеком? Неестественно, чтобы мистер Марш дрался сам с собой.

— Другой человек? — механически повторила Маделин, проводя пальцем по краю пепла выкуренного табака.

— И как, чёрт возьми, был убит мистер Марш?

Маделин рассматривала покрытый пеплом палец.

— Окажите мне услугу, шериф?

— Ну, э-э... конечно.

— Пожалуйста, уточните у дворецкого, ел ли мистер Марш вишневый пирог на ужин вчера вечером!

Шериф сглотнул.

— Вишневый пирог?

Маделин нетерпеливо подняла взгляд.

— Я думаю, ему он очень нравился.

Шериф неуверенно побрел к двери. Взгляд Маделин метнулся ко мне.

— Вы тоже можете пойти, Нора.

На мгновение меня охватило искушение поднять бунт. Но Маделин сделала вид, что не замечает этого. Она всегда так до боли уверена в себе! Пытаясь изобразить обиженное молчание, я последовал за фигурой шерифа в синем мундире. Когда дверь закрывалась, я видела, что Маделин все еще держит в руках трубку Рэйли.

Шериф Педдикорд, стоя наверху лестницы, подозрительно взглянул на меня.

— Хотел бы я знать, что стало с тем другим человеком!

4

Когда мы подошли к лестничной площадке, из мансардного окна в конце коридора второго этажа внезапно показалась фигура в черном платье. Из-под пряди тускло-золотистых волос, небрежно уложенных пробором, на нас смотрело белое, изможденное лицо, напоминающее усталого ребенка. Я сразу поняла, что это Мюриэль Янсен, по крайней мере, на тот момент, хозяйка дома смерти.

— Шериф, коронер уже приехал?

Она говорила одним из самых проникновенных голосов, которые я когда-либо слышала. Если бы не ее бронзовые волосы, я бы сразу подумала, что она латинского происхождения. Казалось, она почти не замечала моего присутствия, не из-за отчужденности, а скорее так, словно она лишилась даже любопытства.

— Ещё нет, мисс Янсен. Он должен быть здесь.

Она подошла ближе к окну, а затем слегка повернулась.

— Я приказала Питерсу телеграфировать в Нью-Йорк доктору Денчу. Он был одним из старейших друзей дяди. Я... я хотела бы, чтобы он был здесь, когда... когда коронер проведет осмотр.

Шериф неловко поклонился.

— Мисс Мак сейчас наверху.

Бледное лицо снова посмотрело на нас, поднимая брови.

— Мисс Мак? Я не понимаю. — Ее взгляд переместился на меня.

— Сегодня утром она получила письмо от мистера Марша, — объяснила я. — Меня зовут мисс Норакер. Мистер Марш хотел, чтобы она немедленно приехала. Она, конечно, не знала — и не могла знать — что он мертв!

— Письмо от... дяди? — На ее лице появилось недоумение.

Я кивнула.

— Довольно странное письмо. Но... мисс Мак, пожалуй, предпочла бы сама рассказать вам подробности.

Озадаченность усиливалась. Я чувствовала, как ее взгляд пристально изучает меня.

— Полагаю, мисс Мак скоро спустится, — предложила я. — Однако, если хотите, я ей скажу...

— В этом вряд ли будет необходимость. Но... вы совершенно уверены... письмо?

— Совершенно верно, — ответила я несколько нетерпеливо. И тут, без предупреждения, она резко поднесла руки к голове и покачнулась вперед. Я подхватил ее на руки, а шериф Педдикорд смотрел на меня с открытым ртом.

— Позовите её горничную! — выдохнула я.

Шериф, опомнившись, с опозданием принялся за дело. Когда он неуклюже шагнул к ближайшей двери, она внезапно распахнулась. Худощавая женщина средних лет в белоснежном фартуке, с холодными серыми глазами, оценивала ситуацию. Не говоря ни слова, она обняла Мюриэль Янсен.

— Она потеряла сознание, — довольно расплывчато произнесла я. — Чем могу помочь? Женщина замерла с ношей в руках.

— Когда вы мне понадобится, я попрошу! — рывкнула она и с грохотом захлопнула дверь прямо перед нашими лицами.

Вслед за шерифом Педдикордом я спустилась по лестнице. В голове крутилось множество вопросов. Почему Мюриэль Янсен упала в обморок? Почему упоминание письма Уэнделла Марша вызвало такую атмосферу недоумения и сомнения? Почему эта похожая на дракона служанка — именно такой я её себе и представляла — встретила нас с такой враждебностью? Скрытая атмосфера тайных секретов в тусклом, безмолвном доме, казалось, внезапно усилилась.

Смутно желая подышать свежим воздухом и погреться на солнышке, я направилась на переднюю веранду, оставив шерифа в прихожей, вытирающего лицо красным платком.

Передо мной на достаточном расстоянии простирался аккуратный дворик, представляющий собой манящую площадку с ухоженным газоном. Очевидно, Уэнделл Марш соблюдал безопасную дистанцию между собой и соседями. Передовой отряд мрачной толпы уже суетился у ворот. Я знала, что вскоре начнется и осада со стороны прессы.

Я представляла себе, как обезумевшие городские редакторы вилами отправляют своих лучших корреспондентов в Нью-Джерси. При этой мысли я улыбнулась. Газета «Багл», этот рабовладелец, который определял мою собственную финансовую судьбу, заранее обеспечена щедрой «публикацией». Следующий поезд из Нью-Йорка должен был прибыть только поздно вечером.

Из-за ворот, откуда открывался вид, размашистым шагом выделилась фигура хорошо одетого молодого человека в синей шерстяной одежде.

— Репортер? — со скептицизмом сказала я себе.

Бросив на меня взгляд, он поднялся по ступенькам и остановился у двери, ожидая ответа на звонок. Мои украдкой брошенные взгляды не позволили мне определить его место среди «звезд» нью-йоркской газетной элиты. Возможно, он был местным корреспондентом. С самодовольным ожиданием я предвкушала его замешательство, когда Питерс получит визитку. А потом я протерла глаза. Питерс отступал от двери, а молодой человек следовал за ним с явным задором.

Я все еще удивлялась, когда служанка с метлой в руке зигзагами подошла к моему концу веранды. Она улыбнулась мне парой дружелюбных черных глаз.

— Вы детектив?

— Почему вы так решили? — парировала я.

Она небрежно провела метлой по полу.

— Я... я всегда считала, что детективы отличаются от других людей.

Она подняла струйку пыли сквозь перила, при этом искоса поглядывая в мою сторону.

— О, вы найдете их достаточно человечными, — рассмеялась я, — за пределами детективных историй!

Она с сомнением размышляла над моим ответом.

— Кажется, мистер Тракстон наконец-то появился! — внезапно воскликнула она.

— Мистер Тракстон?

— Это тот самый мужчина, который только что приехал — мистер Гомер Тракстон. Мисс Янсен собирается выйти за него замуж!

Сквозь туман пробился луч света.

— Значит, он не репортер?

— Мистер Тракстон? Он юрист. — Метла продолжала медленно двигаться. — Мистер Марш его не любил — так говорят!

Я отступила назад, разглаживая юбку. Я усвоила главное правило Маделин: никогда не притворяйся, что тебе слишком интересны сплетни служанки.

Горничная механически вытряхивала ковер.

— Что касается меня, я всегда считала мистера Тракстона лучшим из двух кандидатов в женихи мисс Янсен. Я никогда не могла понять, что она нашла в докторе Денче! Да он же достаточно стар, чтобы быть ей...

В дверном проеме внушительная фигура шерифа Педдикорда поманила меня к себе.

— Не думаете ли вы, что нам уже пора вернуться к мисс Мак? — прошептал он.

— Возможно, — неохотно согласилась я.

Из тени коридора здоровый глаз шерифа пристально смотрел на меня, выражая враждебность.

— Я бы хотел знать, что стало с тем другим человеком!

Когда мы остановились на второй лестничной площадке, хорошо сложенная фигура мистера Гомера Тракстона склонилась к приоткрытой двери. За его плечом я мельком увидела бледное лицо под прядью растрепанных тускло-золотистых волос. Очевидно, Мюриэль Янсен пришла в себя после обморока.

Дверь резко захлопнулась, но я успела заметить, что ее глаза покраснели от слез.

Маделин сидела, утопая в кресле с красной спинкой, перед огромным письменным столом в углу библиотеки. Рядом с ней поверх тумбы на колесиках лежала стопка книг Уэнделла Марша в красных переплетах. Она дочитала страницу, отмеченную широким синим карандашом, без намека, что слышала наш вход.

Шериф Педдикорд смотрел на неё с разочарованием, которое было почти нелепым. Очевидно, Маделин не соответствовала его представлениям об идеальных качествах прославленного детектива!

— Вы изучаете литературу елизаветинской эпохи, шериф? — внезапно спросила она.

Шериф слабо пробормотал что-то булькающее.

— Если это так, я совершенно уверена, что вас заинтересует собрание сочинений мистера Марша. Это самое полное собрание по данной теме, которое я когда-либо видел. Например, вот том о внутренней жизни двора Елизаветы — возможно, вы хотели бы, чтобы я прочитала вам этот случайный отрывок?

Шериф выпрямился с большим достоинством, чем я ожидала.

— Мы расследуем преступление, мисс Мак!

Маделин закрыла книгу со вздохом.

— Так и есть! Могу я узнать, какой у вас отчет от дворецкого?

— Мистер Марш вчера вечером не ел вишневый пирог на ужин! — рявкнул шериф.

— Вы в этом уверены?

И тут внезапно до меня дошёл смысл вопроса.

— Да ведь сам мистер Марш упомянул об этом в своем письме! — воскликнула я.

Взгляд Маделин был устремлен на меня с укором.

— Вы, должно быть, ошибаетесь, Нора.

Бросив долгий взгляд на книги на столе, она встала. Шериф Педдикорд направился к двери, открыл её и, резко покашляв, обернулся.

— Прошу прощения, мисс Мак, вы нашли какие-нибудь улики по этому делу?

Маделин снова остановилась у занавесок, украшенных лентами.

— Улики? Шериф, человек, который сделал возможным смерть мистера Марша, был опытным химиком итальянского происхождения, некоторое время он жил в Лондоне — и умер триста лет назад!

Из холла нам мельком показалось лицо шерифа Педдикорда, покрасневшее, как его платок, а затем оно и платок исчезли.

Я резко повернулась к Маделин и строго посмотрела на нее.

— Вы слишком уж увлеклись своей нелепой шуткой, мисс Мак.

Я замерла, сглотнув. Словно вышла из мрака прямо под электрический свет.

Маделин подошла к столу и осторожно переложила засохший пепел из трубки Рэйли в конверт. На мгновение она понюхала чашу трубки, глядя на смятое тело у своих ног.

— Трубка! — выдохнула я. — Уэнделла Марша отравили трубкой!

Маделин медленно запечатала конверт.

— Нора, вы только сейчас до этого дошли?

— Но остальное — то, что вы сказали...

Маделин с увлечением листала объёмный том по истории елизаветинской эпохи.

— Когда-нибудь, Нора, если вы мне напомните, я дам вам материал для того, что вы называешь воскресной «статьей» об исторической стороне убийства как изящного искусства!

5

В затененном занавесками уголке боковой веранды нас ждала Мюриэль Янсен, откинувшись на спинку кресла, обитого бронзовой драпировкой, цвет которой поразительно совпадал с золотистым оттенком ее волос. Ее сходство с уставшим ребенком было еще более очевидным, чем при моей последней встрече.

Я украдкой поглядывала в поисках Гомера Тракстона, но он исчез. Мисс Янсен проявила инициативу в нашей беседе с нервной резкостью, что контрастировало с ее нерешительностью на нашей прошлой встрече.

— Я так понимаю, мисс Мак, вы получили письмо от моего дяди с просьбой явиться сюда. Могу я с ним ознакомиться?

Невозможно было не заметить ту страсть, которая звучала в её голосе.

Из своей сумочки Маделин достала квадратный конверт с утренней почтой и удивительным посланием. Дважды взгляд Мюриэль Янсен медленно скользнул по его содержимому. Маделин смотрела на нее, слегка нахмурившись. В воздухе внезапно возникло напряжение, словно мы все готовились к неожиданной кульминации. И тут, как раскат грома, это произошло.

— Странное сообщение, — предположила Маделин. — Я надеюсь, что вы сможете его дополнить?

Усталое лицо в кресле, покрытом бронзовой драпировкой, смотрело на лужайку.

— Могу. Самый любопытный факт вашего сообщения, мисс Мак, заключается в том, что его написал не Уэнделл Марш!

Никогда еще я так сильно не восхищалась удивительной выдержкой Маделин. За исключением едва заметного вдоха, она нисколько не выдала шока, который, должно быть, потряс ее так же, как и меня. Я смотрела на нее с открытым ртом. Но, полагаю, вы уже поняли, что я не создана для работы детективом!

Как ни странно, Мюриэль Янсен в своем заявлении не выказала ни малейшего удивления.

Ее поведение говорило о некоторой отстраненности от темы, словно она внезапно утратила к ней интерес. И все же, менее часа назад, она была в шоке.

— Вы имеете в виду, что письмо поддельное? — тихо спросила Маделин.

— Совершенно очевидно.

— А как же покушения на жизнь мистера Марша, о которых идет речь?

— Ни одного случая не было. Я постоянно нахожусь со своим дядей уже шесть месяцев. Могу говорить с уверенностью.

Мисс Янсен неуклюже рылась в белой вязаной сумке.

— Вот несколько образцов работ мистера Марша. Думаю, их будет достаточно, чтобы убедить вас в моих словах. Если хотите, можете посмотреть и другие...

Я, словно прогуливающая школу девчонка, сглотнула, когда Маделин разложила на коленях три протянутые ей листы. Это были обычные деловые и личные письма, ни одно из которых не превышало полудюжины строк. Однако этого было вполне достаточно, чтобы заполнить внезапную пропасть у наших ног — достаточно, чтобы подчеркнуть смелый, агрессивный почерк, почти перпендикулярный, совершенно не похожий на тесный, расплывчатый почерк удивительного утреннего послания.

Маделин поднялась со стула, задумчиво поправляя юбку. На мгновение она остановилась у перил, глядя вниз на беседку с желтыми розами, отвернувшись от нас. Впервые за всю нашу странную дружбу я почувствовала к ней жалость! Пустая стена, перед которой она стояла, казалась такой резкой — такой окончательной!

Мюриэль Янсен слегка изменила положение.

— Вы довольны, мисс Мак?

— Совершенно. — Маделин повернулась и вернула три листа. — Полагаю, это означает, что вы не хотите, чтобы я продолжала это дело?

Я в ужасе обернулся. Мне никогда не приходило в голову такое.

— Напротив, мисс Мак, мне кажется, это еще одна причина, по которой вам следует продолжать!

Я снова свободно вздохнула. По крайней мере, нас не отпустят с той резкостью, которую проявила горничная мисс Янсен! Маделин рассеянно поклонилась.

— Тогда, если вы позволите задать вам несколько вопросов, возможно, сегодня днем...

Мисс Янсен неуклюже возилась с замком своей сумки. Впервые в ее голосе исчезла какая-то непосредственность.

— У вас есть какое-нибудь объяснение этой поразительной подделке?

Маделин смотрела на растущую толпу у ворот. Внезапно по ним волной прокатился гул голосов.

— Вы когда-нибудь слышали о человеке по имени Орландо Хулио, мисс Янсен?

Мои глаза, проследив за взглядом Маделин, резко вернулись на веранду. Мюриэль Янсен во второй раз упала в обморок.

Когда я бросилась к звонку для прислуги, Маделин меня остановила. По дорожке шли двое мужчин с безошибочно узнаваемым видом врачей. По жесту Маделин они повернули к нам.

Первый из двоих ускорил шаг, заметив фигуру в кресле. Инстинктивно я поняла, что это доктор Денч, — и не требовалось глубокого анализа, чтобы определить, что его спутник — местный судмедэксперт.

Ловко положив руку на грудь в районе сердца мисс Янсен, доктор Денч вопросительно поднял к нам румяное лицо с каштановыми усами.

— Шок! — объяснила Маделин. — Это серьезно?

Рука, лежавшая на дрожащей груди, метнулась к аптечке и выбрала флакон с коричневатой жидкостью. Взгляд, устремленный вверх, продолжал внимательно рассматривать стройную фигуру Маделин.

Доктор Денч был суровым, немецкого типа мужчиной, с проницательным взглядом, уверенным в себе и телосложением великолепного мускулистого животного. Если верить доносам

слуги, Мюриэль Янсен не могла бы привлечь в качестве своих женихов более противоположных по характеру людей.

Судмедэксперт — мужчина средних лет в потертом костюме, явно испытывавший профессиональное благоговение перед своим спутником, — протянул ей стакан воды. Мисс Янсен устало открыла глаза, прежде чем стакан коснулся ее губ.

Доктор Денч сдержал ее внезапное желание встать.

— Выпейте это, пожалуйста! — В его голосе звучала лишь профессиональная властность. Если он и любил бледную девушку, сидящую в кресле, то прекрасно контролировал свои эмоции.

Маделин отошла в сторону, тихонько жестом подозвав меня.

— Думаю, теперь я могу спокойно уехать. Я возвращаюсь в город.

— В город? — повторила я.

— Я вернусь ближе к вечеру. Удобно ли вам будет подождать меня здесь?

— Но, скажите на милость... — начала я.

— Не могли бы вы попросить дворецкого прислать машину? Спасибо!

Когда Маделин отказывается отвечать на вопросы, она их игнорирует. Я старалась вести себя вежливо насколько могла. Однако когда ее машина остановилась под навесом, мое любопытство снова взяло верх над самообладанием.

— Кто такой Орландо Хулио? — потребовала я объяснения.

Маделин аккуратно поправила свою вуаль.

— Человек, который предоставил средства для убийства Уэнделла Марша!

И она исчезла.

Я еще раз взглянула на троицу на боковой веранде и, пытаясь убедить себя, что это было просто философское пожимание плечами, в то же время, понимая его как жест раздражения, отправилась в укромный уголок задней гостиной с блокнотом и карандашом.

В конце концов, я была журналисткой, и не нужно было обладать богатым воображением, чтобы представить себе ситуацию в редакции «Багл», если бы я не отправила им надлежащий отчет о своей работе.

Через несколько минут шаги, приближавшиеся к лестнице, дали мне понять, что коронер и доктор Денч поднимаются на запоздалый осмотр тела Уэнделла Марша. Мисс Янсен, очевидно, оправилась и была передана под присмотр своей горничной. Затем появился Питерс, дворецкий с деревянным лицом, который, словно призрак, сообщил мне, что обед будет подан в час дня, но исчез почти прежде, чем я успела снова отвести взгляд от писанины.

Я обедала в почтенном обществе шерифа Педдикорда. Судя по всему, доктор Денч все еще был занят своей отвратительной работой наверху, и неудивительно, что мисс Янсен предпочла свои собственные апартаменты.

Как бы ни была нарушена профессиональная выдержка шерифа событиями утра, его аппетит не пострадал. Он был слишком поглощен стремлением отдать должное гостеприимству Маршей, чтобы тратить время на разговоры за столом.

Он доел последнюю ложку клубничного мороженого с тяжелым вздохом удовлетворения, вынул салфетку, засунутую под воротник, и, словно помня о семейных счетах за стирку, аккуратно сложил ее, вытерев губы красным платком. Только тогда наше молчание было нарушено.

Осторожно оглядев комнату и заметив, что дворецкого позвали на кухню, он, к моему удивлению, попытался доверительно подмигнуть мне.

— Скажу вам, — осмелился он, соблазнительно опираясь локтем на стол, — хотел бы знать, что стало с тем другим человеком!

— Вам знакомо Четвертое Измерение, шериф? — торжественно ответила я и, поднявшись со стула, в свою очередь, доверительно шагнула к нему. — Я полагаю, что тщательное изучение этой темы даст ответ на ваш вопрос.

Было три часа дня, когда я, потянувшись в своем углу гостиной, запихнула последние листы исписанной бумаги в конверт с почтовой маркой для срочной доставки.

Моя статья была готова. И Маделин не было рядом, чтобы подправлять прилагательные, характерные для Парк-Роу! Я радостно улыбнулась, привела в порядок волосы и неторопливо подписала конверт. Городской редактор будет доволен, хотя Маделин — нет!

Когда я вошла в холл, доктор Денч, коронер и шериф Педдикорд спускались по лестнице. Очевидно, медицинское обследование было завершено. При других обстоятельствах выражения лиц передо мной представляли бы собой интересное сравнение: доктор Денч с профессиональным стоицизмом обрезал ногти, коронер отчаянно пытался подражать хладнокровию другого, а шериф был погружен в совиную торжественность.

Доктор Денч убрал нож обратно в карман.

— Вы, как я понимаю, ассистент мисс Мак?

Я поклонилась.

— Мисс Мак вызвали. Однако она должна вскоре вернуться.

Я чувствовала оценивающий взгляд доктора, который препарировал меня с той же тщательностью, что и во время хирургической операции. Я резко подняла глаза и ответила ему взглядом. Это было мужественное, властное лицо — и, надо признать, холодно привлекательное!

Доктор Денч резко открыл свои часы.

— Хорошо, мисс, мисс...

— Норакер! — четко ответила я.

Светлая борода наклонилась на долю дюйма.

— Мы подождем.

— Вскрытие? — осмелилась я спросить. — Оно...

— Результаты вскрытия я сообщу мисс Мак!

Я прикусила губу, почувствовала, как покраснело лицо, увидев, что шериф Педдикорд пытается сдержать улыбку, и повернулась, довольно безуспешно пожав плечами.

Если бы я была мстительным человеком, я бы открыла конверт и вложила туда ответный абзац, который бы с лихвой компенсировал пренебрежительное отношение доктора Денча. Мне льстит то, что я отправила конверт на почту в Три-Форкс, расположенную в заднюю часть магазина «Элит Драй Гудс Эмпориум», без каких-либо изменений в его содержимом.

В качестве частичной компенсации я остановилась у аптеки на углу и позволила молодому человеку в очаровательной розовой рубашке приготовить мне шоколадный молочный коктейль с мороженым. Я склонилась над трубочкой, от которой у меня перехватило дыхание, когда через окно увидела, как машина Маделин огибает бордюр.

Я выбежала на тротуар, а молодой человек растерянно смотрел мне вслед. Шофер резко свернул машину, а я успела бросить десять центов за коктейль.

Маделин отодвинулась к краю сиденья, когда я подобралась к ней. Одного взгляда было вполне достаточно, чтобы понять, что её миссия в городе, какой бы она ни была, закончилась неудачей. Возможно, именно осознание этого факта заставило меня обратить внимание на её бирюзовый медальон. Он был открыт. Я бросила на неё обвиняющий взгляд.

— Значит, мисс Мак, вы снова пристрастились к коле как стимулятору?

Она мрачно кивнула и, из вредности, засунула в рот еще одну темно-коричневую ягоду, после прием которой, как я знаю, она могла находиться сорок восемь часов без сна и почти без еды.

На мгновение я забыла даже о своем любопытстве относительно цели ее визита.

— Как бы хотелось, чтобы пошлину повысили настолько, чтобы эти вещи вообще нельзя было ввозить в страну!

Она закрыла свой медальон, не удостоив меня ответом. Чем больше я выплескивала свои эмоции, тем холоднее становилась Маделин — особенно когда дело касалось колы. Я пожала плечами в знак смирения. Мне следовало сделать это с самого начала!

Я поправила шляпку, прикрыла покрасневшее лицо платком и вопросительно кашлянула. Снова воцарилась тишина. Я в отчаянии повернулась.

— Ну что? — я сдалась.

— Нора Норакер, неужели вы недостаточно умны, чтобы держать язык за зубами?

Мои сдерживаемые эмоции вырвались наружу.

— Послушайте, мисс Мак, меня проигнорировали доктор Денч и коронер, шериф Педдикорд ухмыльнулся мне, но вы меня не сломите! Каков ваш отчет — хороший, плохой или нейтральный?

Маделин отвела взгляд от пыльно-желтой дороги.

— Я был душой, Нора, — слепой, фанатичной, самодовольной душой!

Я глубоко вздохнула.

— А это значит...

Из сумки Маделин достала конверт с пеплом и остатком табака из библиотеки Марша и выбросила его за борт машины. Я откинулась на подушки.

— Тогда табак все-таки...

— Это всего лишь табак — безвредный табак!

— Но трубка... я думала, что трубка...

— Вот именно! Эта трубка, дорогая моя, убила Уэнделла Марша! Но я не знаю, как! Я не знаю, как!

— Маделин, — строго сказала я, — вы же женщина, даже если зарабатываешь на жизнь мужской профессией! Вам просто необходимо хорошенько поплакать!

6

Доктор Денч, расхаживая взад-вперед по веранде, вытряхнул пепел из пенковой трубки с янтарным мундштуком и вышел навстречу нам, когда мы вышли из автомобиля. Коронер и шериф Педдикорд вытягивали шеи, сидя на плетеных креслах на заднем плане. Было легко догадаться, что доктор Денч резко отошел от них, желая спокойно покурить, чтобы привести мысли в порядок.

— Можете снова наполнить трубку, если хотите, — сказала Маделин. — Я не против.

Доктор Денч склонил голову и засунул чашу своей пенковой трубки в толстый кожаный мешочек. Вскоре вокруг его лица закружилась спираль синего дыма. Он был из тех людей, которым трубка придает особый, задумчивый и глубокомысленный вид.

Легким жестом он подозвал к себе коронера.

— Возможно, уместно было бы сначала заслушать выступление доктора Уильямса в его официальном качестве.

Сквозь дым из трубки его взгляд был направлен в лицо Маделин. Мне показалось, что он был несколько озадачен тем, насколько серьезно следует ее воспринимать.

Судмедэксперт нервно переминался с ноги на ногу. Рядом с ним шериф Педдикорд шарил в поисках своего красного платка.

— Мы провели тщательное обследование тела мистера Марша, мисс Мак, самое тщательное обследование...

— Конечно, его не застрелили, не зарезали, не задушили и не завалили мешком с песком? — резко перебила Маделин.

Судмедэксперт неуверенно взглянул на доктора Денча. Тот курил и сохранял непроницаемое выражение лица.

— И не отравлен! — закончил судмедэксперт, быстро выдохнув.

Завихрение синего дыма от пенковой трубки доктора Денча исчезло на фоне солнца. Судмедэксперт позвякивал горстью монет в кармане. Этот звук странно действовал мне на нервы. Не отравлен! В таком случае теория Маделин о трубке...

Мой взгляд скользнул в её сторону. Ещё одна пустая стена — самая пустая в этой загадке пустых стен!

Но я не увидела на её лице того недоумения, которого ожидала. Мрачная тоска, которую я заметила в машине, исчезла, словно сброшенный плащ. Морщины на её лице стерлись, как губка. В её глазах появился тот напряженный блеск, который, как я знала, возникал только тогда, когда она видела перед собой очищенную от туманом дорогу.

— Вы хотите сказать, что не нашли следов яда? — поправила она.

Судмедэксперт выпрямился.

— Под руководством доктора Денча мы провели наиболее полное исследование различных органов — легких, желудка, сердца.

— И мозга, полагаю?

— Мозга? Конечно, нет!

— А вы? — Маделин повернулась к доктору Денчу. — Вы разделяете мнение доктора Уильямса?

Доктор Денч вынул изо рта свою пенковую трубку.

— На основании проведенного нами обследования тела мистера Марша я готов с полной уверенностью заявить, что никаких следов токсического воздействия обнаружено не было!

— Значит ли это, что вы вынесете вердикт о естественной смерти?

Доктор Денч помешал пепел от своей трубки.

— У меня всегда было впечатление, мисс Мак, что вердикт по делу такого рода должен выноситься присяжными коронерского жюри.

Маделин откинула вуаль и сняла перчатки.

— Вы не возражаете, если я еще раз осмотрю тело?

Судмедэксперт пристально посмотрел на нее.

— Ну, э-э... теперь оно у гробовщика. Не вижу причин возражать, если хотите...

Маделин подошла к двери. Позади нее внезапно зашевелился шериф Педдикорд.

— Мне бы хотелось узнать, господа, что стало с тем другим человеком!

Я снова увидела Маделин только в шесть часов, когда нашла ее в красной библиотеке Уэнделла Марша. Она сидела за огромным столом покойного владельца. Перед ней стояли флакон с беловато-серым порошком, небольшой резиновый валик с чернилами, полдюжины листов бумаги, покрытых чем-то похожим на пятна черных чернил, и трубка Рэйли. Я замерла, уставившись на нее.

Она с трудом поднялась.

— Отпечатки пальцев, — лаконично объяснила она. — Этот лист принадлежит мисс Янсен; следующий — её горничной; третий — дворецкому Питерсу; четвертый — доктору Денчу; пятый — самому Уэнделлу Маршу. Это был мой первый эксперимент по снятию «отпечатков» с тела умершего. Это было... интересно.

— Но какое это имеет отношение к делу подобного рода? — спросила я.

Маделин взяла шестой лист испачканной бумаги.

— Здесь мы видим отпечатки пальцев убийцы Уэнделла Марша!

Я даже не вскрикнула от изумления. Полагаю, калейдоскоп событий этого дня притупил мои обычные эмоции. Помню, перед тем как заговорить, я поправила ослабевшую булавку на лифе.

— Убийцы Уэнделла Марша! — механически повторила я. — Значит, его отравили?

Глаза Маделин открылись и закрылись без ответа.

Я потянулась к столу и взяла письмо мистера Марша, присланное утром, которое лежало у Маделин рядом с локтем.

— Вы нашли человека, который подделал письмо?

— Это не подделка!

В полубессознательном состоянии я уронила письмо на пол.

— Значит, вы обнаружили другого человека, участвовавшего в смертельной схватке, которая разгромила библиотеку?

— Другого человека не было!

Маделин собрала свои вещи со стола. С края ряда книг она взяла небольшой томик в красном переплете, шириной, наверное, около четырех дюймов, а затем, немного подумав, положила его обратно.

— Кстати, Нора, я бы хотела, чтобы вы вернулись сюда в восемь часов. Если эта книга будет все еще там, где я ее оставляю, пожалуйста, принесите ее мне! Думаю, на сегодня все.

— Все? — выдохнула я. — Вы понимаете, что...

Маделин направилась к двери.

— Думаю, в восемь часов будет достаточно поздно для выполнения вашего поручения, — сказала она, не оборачиваясь.

Поздние июньские сумерки слились с мрачной темнотой, когда мои часы показывали десять минут после назначенного времени, и я вошла в комнату на втором этаже, которая была отведена для мисс Мак и меня. Маделин у окна смотрела в затененный двор.

— Ну что? — спросила она.

— Вашей книги больше нет в библиотеке! — сердито сказала я.

Маделин обернулась с улыбкой.

— Отлично! А теперь, если вы будете так любезны и попросите Питерса пригласить мисс Янсен встретиться со мной в задней гостиной в присутствии любых друзей семьи, которых она пожелает видеть, я думаю, мы сможем разрешить нашу небольшую загадку.

7

Это была странная группа людей, на которую смотрели изящные швейцарские часы в бронзовой гостиной дома Маршей, отсчитывая полчаса после восьми. С серьезным, довольно настойчивым поклоном мисс Мак усадила в комнате всех присутствующих, которые откликнулись на ее призыв. Она была единственной из нас, кто остался стоять.

Перед ней сидели шериф Педдикорд, Гомер Тракстон, доктор Денч и Мюриэль Янсен. Взгляд Маделин на мгновение скользнул по нашим лицам в молчании, а затем она пересекла комнату и закрыла дверь.

— Я позвала вас сюда, — начала она, — чтобы объяснить тайну смерти мистера Марша. — Ее взгляд снова прошелся по нашим лицам. — Во многих отношениях это поставило перед нами необычную, почти уникальную проблему.

Мы обнаруживаем мертвого человека, по-видимому, здорового. Наблюдатель сразу же предполагает насильственную смерть; и все же на его теле нет следов ран или синяков. Медицинская экспертиза не обнаруживает следов яда. Вскрытие не выявляет признаков преступления. Получается, мы отбросили все формы неестественной смерти.

Я позвала вас сюда, потому что результаты вскрытия неверны, или, скорее, неполны. Мы столкнулись не с естественной смертью, а с преступлением. И сразу скажу, что я не единственная, кто знает этот факт. Мои знания разделяет еще один человек в этой комнате.

Шериф Педдикорд поднялся на ноги, довольно демонстративно подошел к двери и встал, прислонившись к ней спиной. Маделин слабо улыбнулась, заметив это движение.

— Вряд ли, я думаю, что будет попытка побега, шериф, — тихо сказала она.

Мюриэль Янсен откинулась на спинку кресла и уставилась в нее. Доктор Денч изучал мисс Мак с профессиональным выражением лица, каким он мог бы одарить любую аномалию

на операционном столе. Первым заговорил Тракстон, в свойственной импульсивному юноше манере.

— Если речь идёт не о естественной смерти, то, как же тогда был убит мистер Марш?

Маделин откинула легкую накидку с подставки рядом с собой и подняла взгляд на трубку Рэйли из красного песчаника. Некоторое время она задумчиво глядела на нее.

— Трехсотлетнее орудие убийства Орландо Хулио, — объяснила она. — Именно им был убит Уэнделл Марш! — Она взяла трубку и прижала чашу к ладони. — Как орудие убийства, оно практически незаметно. Мы исследовали пепел и не обнаружили ничего, кроме безвредного табака. Внутренние органы жертвы не показали никаких признаков насильственной смерти.

Она серьезно постучала по длинному мундштуку.

— Но обследование органов не включало мозг. А именно через мозг трубка поражает, убивая сначала разум в кошмаре безумия, а затем и тело. Это объясняет обнаруженные нами обломки — следы, по-видимому, двух мужчин, участвовавших в отчаянной борьбе. Обломки — дело рук одного человека, маньяка в момент перед смертью. Наркотик, с которым мы имеем дело, доводит жертву до безумной ярости, прежде чем её тело не выдержит. Я считаю, что такие случаи довольно распространены в Индии.

— Значит, мистера Марша все-таки отравили? — воскликнул Тракстон. Он был единственным из слушателей мисс Мак, кто заговорил.

— Нет, не отравили! Вы поймете, когда я продолжу. На первый взгляд трубка содержит только одну чашу, один канал и заполнена только табаком. В действительности же под верхней чашей скрыта нижняя камера, к которой ведет второй канал. Эта секретная камера заполнена определенным соединением из листьев индийской конопли и дурмана, одним из самых мощных стимуляторов мозга, известных науке, — и одним из самых опасных при употреблении в определенных концентрациях. Из нижней камеры, конечно же, в пепле сверху не останется никаких следов.

Между двумя отсеками трубки имеется небольшое соединительное отверстие, достаточное для того, чтобы конопля под ним постепенно воспламенялась от горящего табака. При употреблении небольшого количества этого вещества курильщик испытывает такое воздействие, какого не оказывает ни один другой наркотик, даже опиум. Увеличьте количество выше опасной отметки и зафиксируйте результат. Жертва не отравляется в строгом смысле этого слова, а буквально задыхается от испарений!

В голосе мисс Мак слышалось волнение ученицы перед тем, как она станет мастером.

— Мне бы очень хотелось приобрести эту трубку, мисс Янсен, если вы когда-нибудь захотите от нее избавиться!

Девушка по-прежнему смотрела бесстрастным взглядом.

— Это был Орландо Хулио, средневековый отравитель, — вздохнула она, — о котором дядя рассказывал...

— ... в семнадцатой главе книги «Великие циники мира» — закончила Маделин. — Я позволила себе прочитать эту главу в рукописном виде. Однако Хулио не был первооткрывателем этого наркотика. Он лишь познакомил с ним английскую публику. На самом деле, это один из старейших стимуляторов Востока. Легко предположить, что Хулио использовал его не как стимулятор, а как загадочное орудие убийства. Механизм трубки, конечно же, был его собственным изобретением. Курильщик, если бы не знал тайны, совершенно не подозревал бы об опасности. Он мог бы даже использовать трубку в полной безопасности — пока ее нижняя камера не была бы заряжена!

Шериф Педдикорд, прислонившись к двери, вытер лицо красным платком, словно человек в оцепенении. Доктор Денч все еще пристально разглядывал мисс Мак, нахмурившись. Маделин резко изменила ракурс.

— Вчера вечером конопляная камера трубки Уэнделла Марша не в первый раз была заряжена. Мы можем проследить воздействие наркотика на его мозг в течение нескольких месяцев — галлюцинации, воображаемые враги, стремящиеся к его жизни, начинающееся безумие. Это объясняет его поразительное письмо ко мне. У Уэнделла Марша было не девять жизней, а всего одна. Описанные им опасности были всего лишь фантастическими плодами воображения, вызванными наркотиком. Например, эпизод с отравленным вишневым пирогом. Вчера на столе вообще не было никакого пирога.

Письмо ко мне не было подделкой, мисс Янсен, хотя вы были совершенно искренни, когда назвали его таковым. Полное изменение почерка вашего дяди было лишь еще одним следствием действия наркотика. Именно этот факт, в конце концов, привел меня к истине. Вы не заметили, что даты ваших писем и того, который пришел ко мне, разделяли шесть месяцев! Я знала, что за это время, должно быть, произошел какой-то ужасный психический шок.

И тут же, благодаря занавескам в библиотеке, возникли ассоциации с ужасами обезумевшей от наркотиков жертвы. Они были не просто порваны, а буквально изгрызены в клочья!

В комнате внезапно возникло напряжение. Мы нервно переминались, стараясь избежать взглядов друг друга. Маделин положила трубку обратно на подставку. Было совершенно очевидно, что она не торопится продолжать. Именно Тракстон снова задал главный вопрос момента.

— Если мистер Марш был убит так, как вы описываете, мисс Мак, то кто его убил?

Маделин бросила взгляд на доктора Денча.

— Доктор, не могли бы вы оказать любезность и отдать мне красную кожаную книгу, которую вы взяли сегодня вечером со стола мистера Марша?

Врач пристально посмотрел ей в глаза.

— Вы считаете это необходимым?

— Боюсь, я должна настоять.

На мгновение доктор Денч заколебался. Затем, пожав плечами, он полез в карман пиджака и достал том в красном переплете, за которым мисс Мак отправила меня в библиотеку, но это оказалось бесплодной затеей. Когда Маделин открыла его, мы увидели, что это не печатный том, а несколько сотен страниц, написанных тесным, плотным почерком. Взгляд доктора Денча переместился на Мюриэль Янсен, пока мисс Мак говорила.

— У меня здесь дневник Уэнделла Марша, который показывает, что он некоторое время имел обыкновение искать стимулятор в виде индийской конопли, или «гашиша», возможно, в результате своего уединенного, сидячего образа жизни и пристального изучения книг. Однако до приобретения реликвий Бейнфорда он принимал стимулятор в сравнительно безвредной форме порошка из листьев, или «бханга», как его называют на Востоке. Приобретение им трубки для курения наркотиков Хулио и случайное открытие механизма ее действия привели его к использованию смеси конопли и дхатуры, приготовленной для курения — в Индии называемой «чарас». Сам капитан Э. Н. Виндзор, бактериолог бирманского правительства, утверждает, что это вещество напрямую ответственно за значительную часть безумия на Востоке. Однако Уэнделл Марш не осознавал опасности этого вещества и того, насколько сильнее оно по сравнению с той формой наркотика, к которой он привык.

Доктор Денч отчаянно пытался предупредить его об опасности и освободить от рабства пагубной привычки, как записано в дневнике, но жертва была слишком сильно порабощена. Фактически, ситуация достигла точки, предшествовавшей финальной кульминации, когда скрывать ее стало невозможно. Старшие слуги уже подозревали правду. Полагаю, именно поэтому вы боялись моего расследования по этому делу, мисс Янсен.

Мюриэль Янсен смотрела на Маделин с каким-то глуповатым выражением лица.

— Я понимаю и восхищаюсь попытками доктора Денча скрыть этот факт от общественности — во-первых, его руководством на следствии, которое могло бы раскрыть истину, и,

во-вторых, его изъятием дневника, который я намеренно оставила на виду в надежде, что он вдохновит на подобные действия. Если бы его не изъяли, я могла бы заподозрить другое объяснение дела — несмотря на некоторые доказательства обратного!

Лицо доктора Денча побледнело.

— Боже! Мисс Мак, вы хотите сказать, что это все-таки не было самоубийством?

— Это не было самоубийством, — тихо сказала Маделин. Она шагнула к противоположной двери.

— Когда я заявила, что мое знание о том, будто мы имеем дело не с естественной смертью, разделяет еще один человек в этой комнате, я могла бы добавить, что им разделяет еще и третий человек — не присутствующий в комнате!

Резким движением она распахнула дверь перед собой. Из примыкающей прихожей выскочила фигура Питерса, дворецкого. Он уставился на нас с лицом, посеревшим от ужаса, а затем рухнул на колени. Маделин резко отпрянула, когда он попытался схватить ее за юбку.

— Шериф, вы можете арестовать убийцу Уэнделла Марша! — серьезно сказала она. — И я думаю, вам лучше вывести его на улицу.

Она встретила наши недоуменные взгляды, когда дверь гостиной закрылась за мистером Педдикордом и его пленником. Со своего места она снова взяла трубку Рэйли из красного песчаника и два листа бумаги, испачканные отпечатками большого и указательного пальцев.

— В конце концов, именно трубка привела меня к истине, не только относительно метода, но и личности убийцы, — объяснила она. — Рука, которая поместила смертельный заряд в потайную камеру, оставила свой отпечаток на поверхности чаши. Пальцы, покрытые пылью от наркотика, оставили след, который я бы сразу заметила, если бы не была так занята тем, что пыталась найти внутри, и забыла о том, что могла бы найти снаружи! Боюсь, что позволила себе великую ошибку современного детектива — недостаток тщательности.

Сравнение с отпечатками пальцев различных людей, участвовавших в деле, разумеется, превратило следующий шаг в простую деталь математического сравнения. Чтобы убедиться в нужной личности я обнаружила, что у моего подозреваемого были не только возможность и знание для совершения преступления, но и мотив.

— В молодости Питерс был учеником химика; этот факт он использовал в интересах своего хозяина, чтобы добывать лекарства, ставшие столь необходимыми для жизни мистера Марша. Если бы Уэнделл Марш лично явился за столь постоянными поставками, его личность вскоре стала бы предметом всеобщего сплетен. Он полагался на своего слугу как на агента, о чем несколько раз упоминает в своем дневнике, обещая Питерсу щедрое наследство в качестве награды. Я полагаю, что именно мечта об этом наследстве, которое для человека в его положении означало бы небольшое состояние, подтолкнула дворецкого к разработке коварного плана убийства.

Тускло-золотистые волосы мисс Мак покрывали плечи ее белого пеньюара густой косой. Она сидела, поддерживаемая подушками, как в «гнездышке», со своим любимым романом «Три мушкетера», открытым на странице, где описывалась историческая «осада» Портоса в винном погребе.

Мы решили переночевать в доме Маршей.

Маделин подняла глаза, когда я появилась в дверях нашей комнаты.

— Позвольте мне представить вам проблему, требующую вашего аналитического подхода, мисс Мак, — смиренно проговорила я. — Какого мужчину, согласно вашим знаниям женской психологии, вознаградит Мюриэль Янсен: серьезного, заботливого врача или по-мальчишески восхищенного Тракстона?

— Если бы ей было тридцать, — зевнула Маделин, — она была бы достаточно мудра, чтобы выбрать доктора Денча. Но поскольку ей всего двадцать два, это будет Тракстон.

И со вздохом она снова обратилась к лихим авантюрам доблестного Портоса.

Пропавший жених

1

Два миллиона долларов и самая красивая девушка в округе должны были оказаться в руках Норриса Эндикотта уже через двадцать пять минут.

Он был безмерно влюблен в Берту ван Саттон, но его совершенно не интересовали ее миллионы, несмотря на воспоминания о собственном нестабильном доходе как начинающего архитектора. Следующие полчаса должны были принести ему все, чего мог желать разумный человек в этом непредсказуемом мире.

Таково было его положение и взгляд на происходящее в доме Ван Саттонов в семь сорок вечера. Кто-то сказал, что один миг может изменить ход битвы. А ещё он может революционизировать жизнь человека — возможно, и вовсе её оборвать, толкнув его в другую гущу событий. В пять минут десятого — в час, когда Эндикотт должен был жениться на Берте Ван Саттон, — он исчез из поместья «Клены» так же внезапно и таинственно, как если бы тёплая земля разверзлась и поглотила его. Ожидающего жениха буквально унесло в небытие.

За двадцать минут до восьми к нему заглянул Уиллард Уайт и увидел Эндикотта, расхаживающего по комнате. Его высокая, стройная фигура прекрасно смотрелась в вечернем костюме, на лице играла тихая, предвкушающая улыбка; он поднес спичку к сигарете.

— Нервничаешь, старик? — шутливо окликнул его Уайт, придерживая дверь приоткрытой.

Эндикотт обернулся со смехом.

— Нервничаю? Когда самая лучшая девушка в мире вот-вот станет моей, моей целиком и полностью? Конечно, нервничаю, ведь я так счастлив, что едва могу удержаться на ногах!

(Это было несколько истеричное, но совершенно человеческое замечание, согласитесь, когда вы обожаете как «святыню» Берту ван Саттон!)

В пять минут девятого оркестр перенёс музыку «Свадебного марша» Мендельсона на свои пульты, дирижёр откашлялся в ожидании сигнала поднять дирижерскую палочку, и болтливые толпы гостей, разбросанные по роскошно украшенному дому от зимнего сада до веранды, хлынули в длинную красно-золотую гостиную, где беседка из пальм и орхидей в конце комнаты вызвала восхищенные возгласы даже у самых величественных престарелых дам. Миллионы Адольфа Ван Саттона, несомненно, создали подходящую обстановку для самой обуждаемой свадьбы сезона.

Снаружи отец невесты нервно теребил манжеты, пока свадебная процессия, перешептываясь, выстраивалась рядами в ожидании у входа. Берта Ван Саттон только что появилась с Этель Эллисон, своей главной подружкой невесты и подругой со времен учебы в школе-интернате. Взяв отца под руку, она создала образ, оправдывающий едва слышимые вздохи зависти со стороны множества подружек невесты. Складки ее длинной фаты, почти достигавшие подола платья, и размах шлейфа придавали ее фигуре почти царственный вид, несмотря на девичью худобу. Темные волосы, собранные в большую, свободную косу, усиливали это впечатление, которое могло бы навести на мысль о высокомерии, если бы не магнетизм ее улыбки.

Улыбка озаряла ее глаза, когда она огляделась вокруг и с удивлением спросила:

— А где Норрис?

Отец быстро поднял глаза, но ответила Этель Эллисон:

— Уиллард Уайт только что пошел за ним, Берг. Вот он идет!

Шафер поспешно вошел в дверь. Остановившись, он вытер лоб платком.

— Где Норрис, Уиллард? — нетерпеливо спросила мисс Эллисон.

— Он пропал!

— Пропал! — Голос подружки невесты перешёл в пронзительный фальцет.

Шафер покачал головой в каком-то неведомом недоумении.

— Он пропал, — механически повторил он.

Невеста резко обернулась. Адольф ван Саттон шагнул вперед и схватил Уайта за руку.

— Что ты такое несёшь, парень?

Уайт напряг плечи, словно резкая хватка вывела его из оцепенения.

— Норриса Эндикотта нет в этом доме, сэр! — воскликнул он, словно впервые осознав всю важность своего заявления.

В гостиной дирижер оркестра, бросив последний взгляд на пустую дверь, с презрительным фырканьем опустил дирижерскую палочку и угрюмо откинулся на спинку стула. Ряды гостей, украшенных драгоценностями, вежливо подняли брови, выражая удивление. В углу пальмы, которые должны были укрывать невесту, нетерпеливо манили ее.

На бархатном ковре снаружи лежала безмолвная белая фигура. Это была Берта Ван Саттон, упавшая без сознания в складках своего свадебного наряда.

Наверху, в апартаментах жениха, группа растрепанных мужчин смотрела друг на друга в растерянном недоумении. Норрис Эндикотт словно растворился в воздухе, испарился. Человек, которому предстояло жениться на наследнице Ван Саттона, был стерт с лица земли, устранен.

Когда группа неуверенно приблизилась к двери, в открытое окно хлынул порыв ветра, наполненный вечерними ароматами цветущей лужайки внизу. Небольшой предмет, наполовину спрятанный в складках занавесок, с тихим глухим стуком упал на пол. Ближайший мужчина почти неосознанно наклонился к нему. Это был серебряный шарик, диаметром примерно три четверти дюйма. Пожав плечами, он передал его Адольфу Ван Саттону. Тот механически бросил его в карман.

2

Когда на следующий день, в пять часов вечера заходящее солнце заливало своим угасающим светом редеющие осенние деревья, я распахнула деревенские ворота «Розари» и внесла мрачную, неподвластную мне проблему «волшебнице» Маделин Мак.

Честно говоря, я устала после дневных потрясений. И в бархатистой зелени коротко подстриженного газона с его толстыми самшитовыми изгородями и алыми пятнами канн царила успокаивающая безмятежность, которая заставила меня почти невольно остановиться, чтобы не нарушить это очарование. Розарий Маделин Мак за ним представлял собой груды засохших кустов, но моя тоска по воспоминаниям о его увядшем великолепии смягчалась зарослями астр и космей, расставленными перед ним, словно пытаюсь скрыть его пустоту. Извивающийся, как змея, черный шланг игриво разбрызгивал воду в заросли алого шалфея у обочины гравийной дорожки, а рядом, без шляпы, присела худая фигура Эндрю Болтона, подстригающего длинными ножницами неровную полосу травы.

Со вздохом я повернулась к живописному шале, приютившемуся впереди. Казалось, я был в милях от шума повседневной жизни.

Я улыбнулась — признаюсь, несколько цинично, — когда ударила старинным дверным молотком. Мало кто еще знал, как и я, какие тени, окружают исчезновение Норриса Эндикотта в первую брачную ночь. Сможет ли Маделин разгадать загадку, которая уже стала самым неразгаданным делом полиции за последние пять лет?

По ту сторону двери меня встретило похожее на сфинкса лицо Сьюзен Болтон. Она была одета для улицы: в строгий чепчик и черное шелковое платье.

— Мисс Маделин сказала, что вы будете здесь, мисс Норакер, — поприветствовала она меня. — Я подумала, что могу встретить вас по пути на чаепитие у миссионеров.

Преступление и миссионерское чаепитие! Я улыбнулась, увидев это несоответствие, и возразила:

— Но я же ей не говорила, что приду! Как такое вообще возможно?..

Сьюзен вскинула руки в митенках.

— Боже мой, разве вы не знаете, как она умеет всё выяснять?

Из конца холла раздался внезапный смех и дружелюбный лай собаки. Ко мне подошла хрупкая фигура в черном, протянув руки. Следом за ней лениво бежал «Петр Великий».

— Я рада, что вы пришли до шести! — сказала она, схватив и крепко держа меня за обе руки, что было характерно для Маделин Мак. — Я боялась, что вы опоздаете. Трамвайное сообщение до поместья Ван Саттона просто ужасное!

— Но почему вы хотели, чтобы я пришла раньше шести? — воскликнула я. — И откуда вы вообще знали, что я приду? И как...

Маделин с улыбкой отпустила мои руки.

— Честное слово, дайте мне время перевести дух! Заходите в гостиную к «Петру Великому» и попробуйте гренки, пока мы будем допрашивать друг друга.

Лишь когда Маделин подошла к потрескивающему полену в большом открытом камине, а собака мирно свернулась калачиком на шкуре ягуара у её ног, она снова заговорила, и то в быстрой, отрывистой манере, которая показала мне, что она «идет по извилистой тропе», как она сама выразилась.

— Сначала отвечу на ваши вопросы, — начала она, подперев подбородок левой рукой в своей любимой позе и глядя на меня, ее глаза сияли от беспокойной энергии, свойственной ее настроению.

— Сегодня утром я позвонила в редакцию «Багл», и мне сказали, что вы только что уехали в «Клены». Конечно, я знала, что Нора Норакер, «звездный» репортер, сразу же займется делом Ван Саттона, и у меня было мудрое предположение, исходя из прошлого опыта, что вы донесете мне эту проблему до вечера. Поскольку я должна встретиться с Адольфом Ван Саттоном здесь в шесть, я очень хотела обсудить с вами ситуацию до его приезда. Сегодня днем меня снова привлекли к делу, как я и ожидала, после того как прочитала первые выпуски газет и поняла, что полиции придется отказаться от своей очевидной версии.

Я подняла брови.

— И какая?

Она пожала плечами.

— Убийство! Я не успела прочитать и десятка абзацев, как поняла, что это, конечно же, абсурд, и что даже полиции придётся признаться в этом до наступления ночи.

— Но этого не произошло! — торжествующе перебила я. — Детектив Уайли дал интервью незадолго до моего отъезда и сказал, что нет никаких сомнений в том, что Эндикотта убрали!

— Ну, значит, он еще больший дурак! — Маделин пошевелила корявое полено в камине, пока по дымоходу не посыпались желтые искры. — Я могла бы показать ему его ошибку всего в трех предложениях.

На мгновение она замерла, уставившись на меня, ее длинные ресницы скрывали медленную улыбку.

— В «Кедрах» используют газ или электричество? — резко спросила она.

— И то, и другое, — ответила я, немного подумав. — Но почему?

— Что-нибудь горело в комнате Эндикотта в момент его исчезновения?

Я покачала головой с беспомощной улыбкой.

Маделин нежно провела руками по длинным, растрепанной шерсти «Петра Великого». Мы обе сидели, уставившись в огонь, целых пять минут.

— Эндикотт переодевался в «Кленах» для церемонии? — внезапно спросила она. — Или он переоделся до того, как появился в доме?

Я чувствовала, как ее взгляд изучает меня, пока я обдумывала этот вопрос. Наконец я подняла глаза, и на моем лице отразилось сожаление и недоумение.

— О, Нора! Нора! — воскликнула она, слегка топнув ногой. — Где ваши глаза и уши? А вы весь день провели в том доме!

— Я, честно говоря, польстила себе, что узнала всё, что можно было узнать, — ответила я несколько раздраженно.

Маделин потянулась к дивану у нее под локтем, и выбрала из стопки газет номер «Багл». Только медленно прочитав отчет на пяти колонках о загадке Ван Саттона — две колонки из которых я написала сама, — она подняла глаза.

— Полагаю, вы упомянули здесь все важное?

Я кивнула.

— Норрис Эндикотт был вне подозрений — как в моральном, так и в финансовом плане. У него мало друзей — то есть близких друзей, — но не было врагов. Абсолютно никто не желал ему зла, никто не мог иметь для этого причин, если только...

Маделин заметила мое колебание, быстро мелькнув глазами:

— Вы имеете в виду его побежденных соперников за руку мисс Ван Саттон?

— Вы вырвали у меня эти слова. Их двое, и оба присутствовали на свадьбе — которой не было. Любопытно, что один из них был шафером Эндикотта, Уиллард Уайт. Другого он тоже знал более или менее близко — Ричарда Бейнбриджа, инженера-строителя. — Я посмотрела на неё, замолчав. К моему разочарованию, она изучала ковёр, её мысли явно были где-то далеко. — На этом, пожалуй, всё, — закончила я довольно неуверенно.

Полено в камине упал вниз, разбрасывая свежие искры. «Пётр Великий» тревожно зарычал. Маделин взяла голову собаки себе на колени и так долго молчала, что мне показалось, будто она меня забыла.

Внезапно она откинулась на спинку стула, ее глаза были полузакрыты.

— Ещё один вопрос, Нора, пожалуйста. Кажется, в своём отчёте вы писали, что, когда группа поисковиков покидала пустующую комнату Эндикотта, с подоконника на пол скатился небольшой серебряный шарик. Вы случайно не знаете, цельный он или полый?

Я улыбнулась.

— Он пустой внутри. Я осмотрела его сегодня днем. Но, конечно, такая мелочь...

Маделин быстро и удовлетворенно отодвинула стул.

— Как часто я должна вам говорить, что в преступлениях нет пустяков? Этот ответ искупает все ваши предыдущие неудачи, Нора. Вы можете стать лучшей в своей профессии! Нет, ни слова больше! — перебила она, пока я смотрела на нее. — Я не хочу думать или говорить — сейчас. Мне нужна музыка, чтобы проветрить голову и развеять эти паутины!

Я откинулась назад с обреченным вздохом и наблюдала, как она подошла к фонографу, стоявшему на шкафу с пластинками в углу. По опыту я знала, что она впала в такое состояние, за которое я бы получила мгновенный выговор, если бы попыталась продолжить обсуждение. Терпеливо или нетерпеливо, я должна дождаться ее желания возобновить нашу беседу.

— Что же выбрать? — почти весело спросила она, склонившись над футляром с пластинкой, совершенно потеряв нервное напряжение. — Как вам понравится квартет из «Риго-летто»? Думаю, для меня это будет идеальный вариант.

От Верди мы перешли к «Лючии» Доницетти, а затем, по странному капризу, она выбрала наугад фрагмент из «Вильгельма Телля». Это была заключительная часть балетной музыки, и пластинка, возможно, была наполовину проиграна, когда открылась дверь — мы не слышали звонка — и Сюзен объявила об Адольфе Ван Саттоне.

Маделин встала, но не остановила проигрыватель. Мистер Ван Саттон нервно плюхнулся в протянутое сиденье, с явным смущением глядя на ее сияющее лицо, когда она стояла, склонив голову вперед и с легкой улыбкой на губах, полностью под влиянием несравненной музыки Россини.

Она резко остановила аппарат в конце записи и когда повернулась к нам, «Вильгельм Телль» был забыт. Она снова стала той пронизательной, вопрошающей женщиной, которая думала только о текущих проблемах. Думаю, это преображение поразило нашего собеседника даже больше, чем неожиданное изменение ее настроения при его появлении. Я могла представить, как его прагматичный, коммерческий ум барахтался в попытке понять замечательную молодую женщину перед ним.

Маделин пересела почти напротив своего нервничающего клиента. Она уже собиралась что-то сказать, когда заметила, что его взгляд вопросительно обратился в мою сторону.

— Это моя подруга, мисс Норакер, мистер Ван Саттон, — официально объявила она. — Полагаю, вы уже встречались.

Мистер Ван Саттон протер очки платком и ответил несколько сомнительно:

— Мисс Норакер — репортер, я полагаю? Не считаете ли вы, мисс Мак, что наш разговор должен быть, э-э, частным?

Я уже встала, когда Маделин жестом предложила мне сделать паузу.

— Мисс Норакер здесь не в качестве журналистки. Она моя личная подруга, которая сопровождала меня во многих моих делах, и я отношусь к ней почти как к своему заместителю. Можете быть уверены, что ничего из того, что вы или я хотели бы скрыть, не будет опубликовано!

Лицо мистера Ван Саттона прояснилось, и он поклонился мне, словно извиняясь.

— Очень хорошо, мисс Мак. Я уверен, что могу полностью положиться на вашу осмоторительность.

Я снова села на стул по указанию Маделин, и наш посетитель смотрел в серые сумерки, а морщины на его чисто выбритом лице отражали беспокойство и тревогу последних двадцати четырех часов.

Маделин заговорила первой.

— Не могли бы вы откровенно рассказать мне, мистер Ван Саттон, почему вы так настойчиво возражали против брака вашей дочери?

Наш собеседник резко повернулся в кресле, словно ему в локоть выстрелили.

— Что вы имеете в виду, мисс?

Маделин опустила подбородок на руку, и в ее глазах мелькнул тот самый мимолетный огонек, который я так хорошо знала.

— Шесть месяцев назад вы категорически отказались рассматривать Норриса Эндикотта в качестве жениха вашей дочери. Три месяца назад он снова обратился к вам, и вы отказали ему во второй раз. Только четыре недели назад вы дали свое согласие — несколько неохотное, если говорить прямо, — и дата свадьбы была назначена почти сразу же.

Адольф Ван Саттон широко раскрыл глаза, глядя на Маделин. Румянец с его щек исчез, оставив их бледными, как тусклыми.

— Я нанял вас, мисс Мак, чтобы выследить Норриса Эндикотта, а не для того, чтобы вы вмешивались в мои личные дела!

Маделин направила к двери.

— Я выставлю счет за свои услуги в течение недели, мистер Ван Саттон. Вы оставили свою шляпу в прихожей?

— Я правильно понимаю, что вы прекращаете заниматься этой проблемой?

— Да, сэр.

Адольф Ван Саттон беспокойно засунул руки в карманы.

— Я... прошу прощения, мисс Мак! Пожалуйста, сядьте и не обращайтесь внимания на нервное возбуждение человека. Вы вряд ли понимаете, какое напряжение я испытываю. Вы спрашивали меня... о чем именно? Ах, вы интересовались моим отношением к молодому Эндикотту!

Мистер Ван Саттон скомкал платок в ладонях, и Маделин с невозмутимым видом села на стул.

— Мне действительно нечего вам сказать. Вы — светская львица, мисс Мак. Я возражал против мистера Эндикотта в качестве мужа для моей дочери, потому что, честно говоря, он бедный человек, а Берта воспитывалась в условиях, которые едва ли научили бы её экономии. Я понятно выразился? — Он бросил платок в карман, и его губы сжались. — В конце концов, Берта настояла на своём, как это обычно и бывает, — и я уступил. Есть ли ещё что-нибудь?

— Я полагаю, что лично вы предпочитали Уилларда Уайта в качестве зятя. Я права?

— И что с того?

Маделин тихо вздохнула.

— Ничего — ничего! Вы были очень терпеливы, мистер Ван Саттон. Я задам вам еще один вопрос, прежде чем мы отправимся в «Клены». Веранда второго этажа под окном мистера Эндикотта тянется вокруг дома?

Мне кажется, мы оба устали на неё.

— Веранда на втором этаже? — повторил мистер Ван Саттон. — Я думал, вы говорили, что никогда не были у меня дома!

Маделин щёлкнула пальцами, в её голосе читалось нетерпение.

— Я знаю, что такая веранда должна быть! Иначе быть не может... — Она с трудом выдавила из себя эту фразу, словно сдерживая невысказанную мысль. — Если я не ошибаюсь, она простирается от передней части дома до задней. Я правильно понимаю?

— Да, но...

Маделин нажала на звонок у себя под локтем.

— Я вижу, вы приехали на машине. Позвольте мне предложить вам поужинать здесь. После этого мы сразу же отправимся в «Клены». Если повезет, мы доберемся туда вскоре после восьми. Вас это устраивает?

— Да, мисс Мак...

Но Маделин махнула рукой, и дело было решено.

3

Ровно восемь часов наш автомобиль, после бодрящего рывка сквозь тени Нью-Джерси, промчался сквозь широкие ворота поместья «Клены». В конце подъездной дорожки мы увидели особняк в колониальном стиле, где свадебное торжество было так внезапно прервано.

Если мы ожидали увидеть дом, окутанный мраком тайны, то были разочарованы. «Клены» были залиты светом от подвала до чердака. Лишь когда машина остановилась у передней веранды, и перед нами предстало серьезное лицо дворецкого с молчаливым вопросительным взглядом, мы впервые почувствовали намек на преступление или трагедию.

Мистер Ван Саттон сразу же проводил нас в библиотеку — длинное, высокое, массивно обставленное помещение в конце центрального холла, тянувшегося через весь дом. У двери он обернулся и коротко поклонился.

— Само собой разумеется, что дом и его обитатели находятся к вашим услугам. Я совершенно ничего не знаю о ваших методах, мисс Мак. Если вы сообщите мне...

Он остановился, потому что Маделин подошла к одному из длинных мансардных окон и, уставившись в темноту, постукивала руками по стеклу, издавая низкий стук.

— Комната мистера Эндикотта находится с этой стороны? — спросила она, не оборачиваясь.

— Практически прямо над головой.

— А гостиная, где должна была состояться церемония, полагаю, находится с другой стороны?

В ее голосе слышалась какая-то отстраненность, которая подсказывала мне, что она едва расслышала официальное согласие мистера Ван Саттона.

Примерно три минуты она продолжала смотреть в тень лужайки, совершенно не замечая нашего присутствия, словно была одна. Наш хозяин расхаживал взад-вперед по полированному полу, когда она резко обернулась.

— Не могли бы вы сейчас проводить меня в комнату мистера Эндикотта?

Мистер Ван Саттон направился к двери с чувством облегчения.

— Я сам вас провожу.

Во время подъема на верхний этаж Маделин молчала. Однажды мистер Ван Саттон попытался что-то сказать, но она не предприняла никаких попыток ответить, и он лишь пожал плечами. Она даже не нарушила молчания, когда он распахнул дверь комнаты в конце коридора, и мы поняли, что находимся в комнате пропавшего жениха.

На мгновение мы замерли на пороге, пока наш гид нашел выключатель и включил электрический свет. Это была большой, просторный апартамент с небольшой нишей в одном конце, где стояла кровать, и дверью в другом конце, ведущей в ванную комнату, отделанную мраморной плиткой. Было предпринято усилие сохранить содержимое в точности таким, каким оно было найдено накануне вечером. Туалетный столик все еще был завален разнообразными туалетными принадлежностями, как будто их только что уронили. Занавеска одного окна была резко поднята вверх, а соседняя прилично висела на подоконнике.

Маделин лишь мельком взглянула на комнату. Подойдя к письменному столу, она схватила прислоненную к нему корзину для мусора. Она была пуста. Несмотря на это, она подняла ее к столу и достала из сумочки маленькую лупу. Целых пять минут она склонилась над ней, изучая плетеную солому с таким же рвением, как шахтер, ищущий золотой песок.

Выпрямившись, она неуверенно оглядела стены. Прямо напротив находилась асбестовая решетка с газовыми поленьями. Она опустилась на колени перед ней, снова приложив увеличительное стекло к глазам.

— Могу ли я чем-нибудь вам помочь, мисс Мак? — нетерпеливо спросил мистер Ван Саттон.

Она даже не взглянула в нашу сторону. Поднявшись на ноги, она отошла к письменному столу, где стояли два подноса.

— Это подносы мистера Эндикотта?

— Я... я полагаю, что да. Почему?

Маделин поднесла подносы ближе к свету. На одной лежала куча пепла; на второй — и пепел, и окурки. Я заметила в ее глазах странный проблеск удовлетворения.

— Наверное, мистер Эндикотт был заядлым курильщиком, не так ли? — спросила она, словно упоминая само собой разумеющийся факт.

— Напротив, это не так! — возразил мистер Ван Саттон.

— Отлично! — воскликнула она так восторженно, что мы оба устали на нее. Когда она вернула подносы на место, ее отрешенность исчезла. Я даже услышал обрывок мелодии, прозвучавший у нее шепотом, когда она распахнула дверь просторного шкафа на другом конце комнаты. Это были «Сновидения» Шумана.

На крючках в шкафу висел светло-серый мужской костюм. На полу валялась пара туфель. Не нужно было уточнять нашему хозяину, чтобы понять, что они принадлежали Норрису Эндикотту.

— Вы там ничего не найдете, мисс Мак, — добровольно добавил он. — Полиция уже раз шесть выворачивала карманы наизнанку!

Его прервал крик Маделин. Она прошла мимо костюма, пожав плечами, и схватила брошенные туфли.

— Что случилось? — потребовал мистер Ван Саттон, продолжая настаивать.

Маделин бросила туфли обратно на пол. Закрыв дверь, она остановилась и постучала по своему нефритовому браслету. Мне снова показалось, что я слышу мелодию «Сновидений».

— Однажды меня попросили назвать первое правило поведения детектива, — сказала она без всякого повода. — Я ответила, что всегда нужно помнить, что в преступлении нет пустяков. — Она помолчала. — Каждый день я нахожу что-то новое, что доказывает правильность моего правила!

— Но ведь вы ничего не обнаружили...

Маделин с присущим ей лукавством посмотрела на хозяина «Кленов».

— В этом доме есть два человека, с которыми я хотела бы поговорить несколько минут. Это дворецкий и горничная мисс Ван Саттон. Не могли бы вы попросить отправить их в библиотеку?

— Конечно. Есть еще что-нибудь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.